

РЕЦЕНЗИИ

Книга Расселла Е. Мартина «A Bride for the Tsar. Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia» («Невеста для царя. Смотрины невест и брачная политика в России раннего Нового времени»). Illinois: Northern Illinois University Press; DeKalb. 2012. 380 p. ISBN. 978-0-87580-448-4 (hardcover book — ISBN 978-1-60909-054-8 (electronic)

В современной исторической науке, в связи с усилением интереса к социальной антропологии, просопографии, политической культуре, символизму ее явлений и процессов, семантике обрядов и обычаев повседневной жизни, традиционные проблемы структуры Московского государства, его развития в XVI–XVII вв., взаимоотношений монарха с ближайшими родственниками, удельными князьями, чиновной знатью, уездными служилыми людьми и последних категорий населения друг с другом предстают в необычных ракурсах и требуют новых решений. Монография профессора Расселла Е. Мартина о брачной политике последних Рюриковичей и первых Романовых в 1505 г. — первой четверти XVIII в. и, в частности, смотринах невест российских самодержцев — именно такое, востребованное специалистами научное издание.

Книга основана на комплексном исследовании разнообразных источников: опубликованных и неизданных, хранящихся в рукописных фондах Российского государственного архива древних актов, Российской государственной библиотеки, Государственного исторического музея в Москве; Российской национальной библиотеки, Библиотеки Российской Академии наук, Военно-исторического музея

артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге, Ярославской областной библиотеки. Последнее придает книге Р.-Е. Мартина особую ценность. Так, анализ обнаруженных исследователем записей в синодиках позволил дополнительно аргументировать тезис о тесных служебных и впоследствии родственных связях Б.И. Морозова и И.Д. Милославского, креатуры первого из них в 1647 г. — начале 1648 г. (р.195–196, 316, примеч. 119, 120). Тогда оба боярина, стремившиеся породниться с монархом, совместными усилиями разлучили юного Алексея с его избранницей Евфимией Рафоновной (Федоровной) Всеволожской и 16 января 1684 г. женили на Марии, дочери И.Д. Милославского, сестра которой Анна вскоре вышла замуж за Б.И. Морозова. Сопоставление неопубликованного фрагмента чина свадьбы государя Федора Алексеевича и Агафьи Семеновны Грушецкой, составленного в июне 1680 г., с описаниями их бракосочетания 18 июля того же года позволило Р.-Е. Мартину показать, что в течение месяца планы устроителей торжества изменились: в нарушение их замысла и традиции праздничная церемония и пир не были пышными и многолюдными, а проводились в замкнутом семейном кругу (р.211–216). На основе исследования также неопубликованного свадебного разряда 1682 г. в монографии дано описание процедуры бракосочетания того же монарха, Федора Алексеевича, и его второй супруги Марфы Матвеевны Апраксиной (р.218–219).

Представляют интерес помещенные в приложениях А, В и С к тексту книги извлечение «из Хронографа о браках царя Иоанна Васильевича» (РНБ, Q.XVIII. 17, л.156 об.–

157 об.), «Список девиц на смотринах у царя Алексея Михайловича» в 1670/1671 г. (РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 287, л. 2–8) и перечень подарков, в 1680 г. пожалованных участникам смотра невест царем Федором Алексеевичем (РГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 873, л. 8 об.–11 об.) (р. 247–255). Первый из указанных текстов впервые издан полностью. Сверка текста В, дважды опубликованного в XIX в., с оригиналом позволила исследователю выявить неточности перевода и устранить их. Р.-Е. Мартин также указал на различия, содержащиеся в перечне даров царским невестам — подлинном документе 1682 г., и публикации того же источника, осуществленной в XIX в. И. Е. Забелиным.

Рецензируемая монография разделена на шесть методологически и тематически связанных глав, в хронологической последовательности передающих содержание исследования и выводы ее автора о процессе превращения смотров государевых невест в ритуал и проведении целенаправленной брачной политики в Московской Руси «раннего нового времени». Первые сведения о выборе невесты великим князем Московским относятся к 1505 г., однако Р.-Е. Мартин подробно рассмотрел вопрос о предшествующих этому браках Елены Ивановны, дочери Ивана III, и Александра Казимировича Ягеллона в 1495 г. (р. 31–37), ее сестры Феодосии и Василия Даниловича Холмского в 1500 г. (р. 40–43), показал их роль во внешней политике Московского государства и борьбе придворных группировок за власть на рубеже XV–XVI вв. Познакомив читателя с тайнами дипломатии непримиримых противников, глав православного и католического государств — Ивана III, его зятя Александра, советников последнего, стремившихся разными способами воздействовать на великую княгиню Литовскую и королеву Польскую Елену Ивановну с целью использовать ее в своих интересах, автор монографии сделал вывод о том, что религиозно-политическая миссия, возложенная державным отцом на дочь, выполнена не была: Елена не стала покровительницей и защитницей единоверцев во враждебной России стране (р. 37). Согласно Р.-Е. Мартину, свадьба Феодосии и В. Д. Холмского должна была способствовать урегулированию конфликта между

наследниками великокняжеской власти — Дмитрием-внуком и Василием Ивановичем, и консолидации поддерживавших их, противоборствовавших родственников. Эта цель также не была достигнута (р. 42–43).

Заслуживает внимания наблюдение исследователя о неудачных попытках Ивана III и Софьи Палеолог в условиях продолжавшегося «династического кризиса» найти сыну Василию чужеземную невесту. Их намерения не осуществились главным образом из-за различий в вероисповеданиях московского жениха и претенденток на его руку и сердце, а также из-за ограниченного числа родовитых, здоровых, способных к деторождению иностранок из влиятельных европейских семей, готовых отправиться в Россию (р. 43–45, 47). Р.-Е. Мартин уточнил время проведения смотра русских невест, на котором была выбрана Соломония Сабурова, и указал, что в данном случае важное значение имела принадлежность невесты к старинному служилому боярскому роду (р. 51). Полемика исследователя с учеными о заимствовании практики выбора невест в Московской Руси из Византии и попытка объяснить возникновение идеи проведения смотров девушек для выявления среди них будущей великой княгини и царицы влияниями — хазарским, китайским, монголо-татарским, по ассоциации с некоторыми сюжетами греческих мифов или библейских историй (р. 23–31), представляются обосновательными, так как состояние источников не позволяет дать аргументированный ответ на этот дискуссионный вопрос. Однако замечание Р.-Е. Мартина о том, что в период с 1505 до 1711 г. московские государи заключали браки преимущественно с русскими избранницами, а свадьбы с иностранками (представительниц рода Рюриковичей с чужеземцами) были единичны и обусловлены политическими обстоятельствами, заслуживают внимания (р. 52–53).

Во второй главе монографии ее автор развенчивает миф, отраженный в сочинениях иностранных путешественников, побывавших в России XVI–XVII вв., согласно которому на единовременном смотре нескольких сотен, даже тысяч девиц монарх называл одну из них своей супругой. Здесь убедительно показана длительная, иногда многомесячная,

многоступенчатая процедура отбора невест для государя: проходившая первоначально на местном уровне в присутствии уполномоченных монарха (р. 58, 60–69), затем в Москве с участием его матери, сестер, ближних боярынь (р. 69–71, 170, 184–185, 199, 201), и, наконец, завершавшаяся представлением небольших групп девушек жениху (р. 72–75). Исследователь подчеркивает обязательную в XVI в. демонстрацию девушек из всех слоев служилого населения: не только боярышень, но также дочерей, сестер и прочих родственниц дворовых и городских детей боярских, дворян, стрельцов, дьяков, даже состоятельных посадских людей, и сужение круга потенциальных избранниц царя в XVII столетии. Если первоначально в расчет принимались брачный возраст, физическое здоровье, красота, способность кандидатки к деторождению, то в XVII в. к этим характеристикам прибавилась ее родословная, считает Р.-Е. Мартин (р. 57, 59, 65, 70, 76–80). Он верно отметил, что на выбор царских невест значительное влияние оказывали соперничавшие друг с другом бояре (р. 69, 87, 170, 175, 178–180, 184), однако вслед за В. Кивельсон приуменьшил действительную роль в этой «брачно-политической игре» детей боярских (р. 66–69). Здесь исследователь вступил в противоречие с собственными выводами, согласно которым из 27 выбранных их супругами государынь только 3 были дочерьми думных бояр и 4 происходили из боярских родов, остальные же представляли средние слои служилого населения Московской Руси (р. 86–87).

Рассматривая вопрос о ритуальном превращении невесты в жену московского монарха, Р.-Е. Мартин обратил внимание на такие его элементы, как препровождение ее в Верхний Терем для пребывания здесь от нескольких дней до полугода, титулование царевной, изменение имени девушки, иногда — ее отца (р. 87–91, 171–172, 191).

Весьма интересен раздел монографии (третья и четвертая ее главы), посвященный бракам Ивана Грозного. Здесь рассматривается слабо освещенный в историографии вопрос о несостоявшейся женитьбе царя на Екатерине Ягеллонке (р. 112–113, 122–125), уточнены места и даты смотров его невест, число и имена легитимных супругов. Кроме

Анастасии Романовой (Захарьиной-Юрьевой), Марии-Кученей Черкасской, Марфы Собакиной, Анны Колтовской и Марии Нагой Р.-Е. Мартин считает официальными женами Ивана IV Анну Васильчикову (р. 145–147), Василису Мелентьеву (в девичестве — Радилу) (р. 153–156), упоминает Марию Долгорукову, казненную 12 ноября 1572 г., наутро после первой брачной ночи, потому что самодержец «воскручинися за неже въ ней не обрете девства» (р. 161–162, 248). Из перечисленных цариц первая, третья, четвертая, пятая, Анна Васильчикова, и последняя, Марфа Нагая, были избраны монархом на смотрах невест (р. 113, 133, 140, 145, 156).

В процессе исследования вопроса о семейной жизни Ивана IV автор монографии сделал выводы о том, что:

1. Большое число невест (до 2000) на смотринах в Александровой слободе в 1571 г. объясняется одновременным присутствием здесь двух женихов — самодержца и престолонаследника Ивана Ивановича. Тогда царь избрал в жены себе Марфу Собакину и сыну — Евдокию Сабурову (р. 133). В книге рассмотрен неопубликованный чин свадьбы последних, сохранившийся в поздних копиях (р. 134–135, 296 примеч. 20, 21).

2. Кандидатура Анны Колтовской как государевой невесты была определена за несколько месяцев до свадьбы, состоявшейся в конце мая 1572 г. Она уже была известна в то время, когда в церкви еще обсуждался вопрос о четвертом браке царя (р. 138–140).

3. Пострижение осенью 1572 г. Анны (в иночестве Дарья) Колтовской и осенью-зимой 1579 г. второй супруги царевича Ивана Феодосии (Пелагеи, в иночестве Прасковьи) Петровой Солового не было связано с их здоровьем, так как обе женщины прожили долго (первая — до 1626 г., вторая — до 1620 г.) и до смерти отличались работоспособностью (р. 141, 148).

4. В брак с Анной Васильчиковой Иван Грозный вступил не осенью — в начале зимы 1574 г., а в январе 1575 г. При том изменение традиционного свадебного ритуала обусловлено пятой женитьбой царя (р. 146–147).

5. Царевич Федор Иванович был обвенчан с Ириной Годуновой не в 1580 г., а в 1575 г. (р. 148–149).

б. Социальный статус Василисы Мелентьевой позволял ей претендовать на титул царицы, так как она происходила из рода Радилых — уездных служилых землевладельцев среднего уровня. Сохранившаяся в источниках фраза о том, что Иван Грозный «имел молитву с вдовой Василисой Мелентьевой», свидетельствует об официальной, церковной процедуре заключения их брака (без использования венцов, поскольку царь брал уже шестую жену), вследствие которого вдова дьяка стала легитимной супругой государя — московской царицей (р. 153–156).

В пятой главе монографии акцент сделан на конфликтах в царской семье и при дворе из-за увлечения государя Михаила Федоровича Марией Хлоповой (р. 172–185) и его сына Алексея — Евфимией Всеволожской (р. 190–195), впоследствии — Авдотьей Беляевой (р. 197–201).

В первом случае Р.-Е. Мартин отметил решающую роль в событиях 1615–1624 гг. бояр Салтыковых и матери Михаила Федоровича старицы Марфы (в девичестве — Ксении Шестовой), которая была связана родственными узами с виновниками интриги, разлучившими царя с любимой девушкой. Историк пишет о падении влияния Шестовых-Салтыковых после 6 января 1625 г. и связывает это со смертью Марии Долгорукой — первой супруги государя Михаила, избранной на смотре невест в угоду его матери (р. 186–187). Он считает,

что Наталья Нарышкина тоже была выбрана венценосцем, уже Алексеем Михайловичем, на смотре невест, но стала государыней только благодаря победе ее покровителя А. С. Матвеева и его сторонников в борьбе с родственниками другой царской невесты — Авдотьи Беляевой. Интересно указание на участие в этом брачном конфликте сестры царя Ирины Михайловны (р. 199, 201), а также замечание о двух стадиях свадебного обряда — обручении и венчании, которые в XVI в. следовали одна за другой в первый день свадьбы, а в XVII столетии разделялись неделями, даже месяцами ожидания и тревоги жениха и его избранницы (р. 172–174).

В последней главе книги показано, как изменились традиционные русские свадебные обычаи в конце XVII — первой трети XVIII в. в связи с отменой в 1682 г. местничества, резким усилением власти монарха, распространением в Московском государстве западноевропейской культуры.

Основательно фундированная источниками, насыщенная интересными выводами монография Р.-Е. Мартина написана хорошим литературным языком в лучших традициях американской историографии. Она увлекательна и полезна как для специалистов-историков, так и для всех прочих читателей, стремящихся к расширению знаний о Московской Руси XVI–XVII вв., ее политической культуре, обычаях и традициях.

И. Б. Михайлова,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный
университет; mikhailova.irina@inbox.ru